

**Руслан
ВОРОБЬЕВ***г. Клин***Стихи
с фронта***рассказ*

Одиноким плевком я хромал по городу больше часа. После четырёх вошёл в столовую на углу.

От неплотно закрывавшейся двери тянуло осенней прохладой, смешанной с уличной мокротой. Пахло капустой, как на улице, и чаем с лимоном.

Хотелось пить. Я поставил сумки, сел у окна. Вытащив из нагрудного кармана измятую пачку сигарет, бросил её на столик. Подошла официантка.

— Здравствуйте! — Сухая грусть в крупных глазах; веки опущены книзу. Цвет глаз неясный — то ли болотный, то ли серо-зелёный. На коже лица следы от удалённых угрей.

— Здравствуйте.

Неумелым движением руки она положила передо мной меню.

— Воды.

— И всё? — спросила она так, будто бы за всё время существования этого заведения я первый, кто осмелился заказать лишь воду. Больше в столовой посетителей не было.

— И всё.

Резко передёрнув плечами, она забрала меню и торопливо прошла в кухню.

Я был во многих заведениях общепита, но ни в одном из них мне не приходилось слышать столь тоскливой гулкой тишины.

Поднёс ко рту сигарету, сморщился. Сломана! На месте перелома образовался горбик — теперь сигарета представляла собой застывшего в движении жирного белого червяка.

— Здесь не курят.

«И не особо-то хотелось», — подумал я и смял сигарету.

Официантка поставила передо мной стакан с водой. Я прочёл на бейдже её имя: Кира.

— Спасибо.

И выпил.

Она отошла к стойке.

Я поискал глазами мусорное ведро — выбросить оставшееся от «червяка». Ага, вот и оно. Подошёл, бросил, вернулся к столику.

— Ещё воды.

Официантка кивнула, пошла.

— Извините, — сказал я, — поблизости есть библиотека?

Остановилась.

— Откуда ж мне знать?! — спросила она, выпучив удивлённые глаза.

И правда, откуда ей знать. С трудом окончившая школу, она избрала наиболее доступный, но при этом нелёгкий путь заработка. Не её вина. Хотя... может, эта Кира неместная. Без разницы. Наверняка в этом городишке и библиотеки-то не сыщешь.

Из кухни вышел омрачённый недовольством лысый мужчина в спецовке для строителей, ещё и в пятнах. Я подумал, её муж. Он опёрся о высокий стул и с презрением оглядел мою форму. Официантка что-то шепнула ему. Мужчина униженно оскалил жёлтые зубы и налил воды.

Мгновение — и стакан был в моей руке. Я начал пить.

— Счёт принести? — обратилась ко мне официантка.

Я отрицательно мотнул головой — она тут же отошла — и допил воду.

Вот нетерпеливая!

— А вода разве не бесплатная?

Оба — лысый и официантка — усмехнулись.

Я решил осмотреть её. Хрупкая фигура, безобразная причёска, на длинных ногах — белые колготки в крупную сетку, причём порванные в одном месте. Синяки на лодыжках. Вдруг я почувствовал: мужчина не сводит с меня глаз. Достаточно.

Оттолкнув пустой стакан, я отвернулся к окну.

На улице никого не было. По асфальту носились оранжевые и красные листья. Голую землю кое-где уже обнимала морозная корка. Вдалеке среди чернеющей зелёной глухоты мигал алмазом огонёк вышки ЛЭП. Болезненно-жёлтое небо было пустынно.

— У нас просто так не сидят, — сказала официантка Кира.

Я перевёл взгляд на неё. Она стояла у двери в кухню. Рядом с ней всё ещё стоял мужчина. Подбоченясь, он внимательно смотрел на меня и хмурился.

— Давайте тогда поговорим, — произнёс я, обращаясь к официантке.

Лысый хмыкнул, сделал шаг в мою сторону и сказал:

— Хочется поговорить — иди на вокзал или... в пивнушку какую-нибудь!

Его хрипло-писклявый голос когда-то обманутого мужа позабавил меня.

— Чего лыбишься? — спросил он.

— Я, пожалуй, поем. Что у вас есть?

Официантка Кира тут же схватила со стойки меню и, пройдя несколько шагов, положила его на занятый мною столик.

Стараясь не показывать замешательства, я раскрыл меню, откашлялся. Что ж, придётся что-нибудь заказать.

— Когда ты сделаешь дверь? — послышался голос официантки. — С этих огородов несёт целыми днями.

— Не сегодня.

— А когда?

— Не сегодня.

Я не смотрел в их сторону, но нездоровое чувство, что мужчина не сводит с меня глаз, никак не рассеивалось.

Они уже молчали.

— «Цезарь», — сказал я.

Я не был уверен, что этот лысый умеет его готовить, и всё-таки рискнул.

Отдал меню официантке. Хотел что-то сказать, чтобы уменьшить возникшее между нами напряжение, но не смог. Неловко кивнул пару раз, пытаясь изобразить этим своё радушие. Она тут же отвернулась.

Ещё раз хмыкнув, мужчина произнёс что-то вроде: «Сейчас будет», — и ушёл в кухню. Тоже мне повар! В такой-то одежде!

И минуты не прошло, как из кухни начал доноситься глухой стук ножа по доске. Официантка Кира взяла со стойки смартфон — и тот полностью завладел её вниманием.

Никогда не думал, что так сильно захочу с кем-нибудь поговорить. Всю свою никчёмную жизнь я избегал общения, а тут...

Тишина раздражала: было в ней нечто язвительное, насмехающееся. Она словно повисла надо мной в предупреждающей о чём-то позе и горько ухмылялась.

Я достал из пачки сигарет сложенный в несколько раз клочок газеты, напоминающий по цвету чешую пресноводной рыбы. Стихи.

Они были написаны при мне дрожащей рукой умирающего сослуживца. Усердные торопливые каракули покоились среди ровных густо-чёрных букв какой-то заметки. Стихи нека-

зистые, с неточными рифмами, выполненные автором с грубо-неумелым насилием над собой, скупые на образность, однако претендующие на точную передачу чувств к любимому человеку. Наивность, приправленная выдающейся неграмотностью, катастрофически малым словарным запасом и жалкими попытками разгадать смысл слова «любовь». Банально и плохо. И ни слова о спецоперации — только любовь. Все восемь строчек — о любви.

В который раз я перечитал эти восемь строк. Я знал их уже наизусть. Было в этих замусоленных многими поколениями словах нечто поистине трогательное, нахально касающееся даже моего израненного жизнью сердца.

И во скольких же пачках сигарет они побывали! Да, странно, что я перекладывал эти стихи из одной пачки в другую, но надёжнее способа не было: сигареты всегда были при мне, они никогда не терялись.

Я не единожды думал, каково будет прочитывать эти стихи женщине, уже знающей, что её мужа нет в живых.

С его слов я знал, что дома — в четырёхкомнатной квартире — остались сын (старший ребёнок), дочь и жена Яна, которая ради него ещё в далёком 2007-м бросила учёбу в престижном университете Перми и распрощалась со сладко-горькой мечтой о карьере декоратора, и что на протяжении этих совместно прожитых лет ни разу не утрачивали выразительности простительно-нежные отношения супругов. Рома — его звали Ромой — мило называл всё это лав стори.

Стихи Рома сочинил заранее — в уме, предчувствуя смерть в бою. Телефонов у нас не было — какие могут быть телефоны в сражении! — так что он не мог услышать голоса любимой, не мог сказать ей прощальных слов. Он записал строки на одном из тех клочков газеты, которые всегда носил с собой «на случай вдохновения».

Я сложил клочок, погладил его подушечкой пальца. В который раз ощутил болезненное чувство тревоги, как при ожидании очередной бомбардировки, чувство, увеличивающееся с каждым вдохом запахов сопревшей действительности и опалённой надежды. Это горячее чувство, оно горячее, пожалуй, ранения в ногу... А уж я-то знаю, что такое ранение в ногу. Это

когда донельзя широкое и самое острое на свете лезвие, переносящее к тому же на себе жар разъярённого солнца, вонзается туда, куда лучше бы и не вонзалось: большее того места в твоём представлении и быть не может.

Официантка стучала пальчиком по смартфону. Её длинные ногти, покрытые чёрным и розовым лаком... Они напомнили о далёких девяностых, когда мы с матерью ходили в полуподвальное помещение за несвежими овощами. Там ещё всегда кисло пахло капустой. Овощи продавала симпатичная армянка с точно такими же ногтями, только чёрного лака было больше.

— Кира!! — донеслось из кухни.

С шумным вздохом официантка спрятала смартфон в карман фартука и скрылась за дверью. Решив, что салат уже готов, я сунул клочок газеты обратно в пачку и сделал вид утомлённого ожиданием человека.

Вышла Кира, сказав:

— Ещё пять минут. И, пожалуйста, не глядите так на меня больше: муж ревнует.

Она тут же отошла, вытащила смартфон и снова уставилась в него.

Я не решился что-либо ответить. Это было бессмысленно. Неужели я столь нагло и часто смотрел на его жену, что лысый в чём-то стал меня подозревать? И было ли из-за чего? Таких девушек в провинциальных городах немерено.

И откуда только он мог подглядывать за мной?

Я осмотрелся. Камеры не было. Если только он не спрятал её в буфете между бутылок и скляночек.

Или просверлил где-нибудь в стене дырку, чтобы подглядывать за своей женой и гостями их заведения.

А может, он что-то почувствовал?

С улицы липкая осенняя прохлада ещё несла кислый запах капусты. Но мне было не до ностальгии по девяностым. Запах, происходящее — всё вместе перебивало аппетит, и я решил уйти. Бросив двести рублей — цену готовящегося кулинарного шедевра — и несколько чириков за воду, я поднялся с хлипенького стульчика... Ко мне подскочила официантка. С угрюмым весельем она пролепетала:

— Чего вы? Не уходите, муж очень вкусно готовит.

Прямо как та армянка: «Овощи лучшие, лучшие овощи... Покупайте!»

Стук ножа прекратился.

Я посмотрел в её лицо — на нём уже таяла тень детской категоричности, — сел, откинулся на спинку сиденья. Сиденье затрещало.

— Хм. Верю.

Но я не верил.

Она сделала что-то ручкой, отскочила к выходу.

— Говорила же, сюда к нам никто ходить не будет, — вдруг сказала она, смотря на улицу.

— Но я ведь пришёл.

Она продолжила, как будто не слышала моих слов:

— С этих огородов тянет и тянет целыми днями. Невозможно просто.

Ещё этого провинциального «просто» мне не хватало! «Просто невероятно», «просто гениально», «просто прекрасно» и тому подобная дрянь.

И чего только она стала такой разговорчивой? Для того лишь, чтобы я не ушел, тем самым не попробовав стряпню её мужа?

Я выпрямился, ответил:

— Муж будет ревновать.

Она тут же обернулась, поправила фартук и с наивной досадностью в чертах лица вернулась «на место». Верно, куда проще сделать вид, что ничего не произошло.

— Может, музыку включить? — спросила, смотря куда-то в сторону.

Сперва я даже подумал, что она обращается к мужу — прямо через стену, чего уж там.

— Было бы неплохо, — ответил я, поняв, что вопрос был адресован мне.

Она достала из фартука пультик, и через мгновение чуть слышным ручейком полилась откуда-то утомительно-сонливая музыка.

— Кира!!!

Официантка бросилась в кухню.

Я посмотрел на часы: почти пять. Подумал: если Яна работает, она скоро будет дома. Перевёл взгляд на окно. Листьев теперь не было видно — седеюще-золотистое, с хризолитовыми крапинками пространство заняли люди, торопившиеся по домам: кто — пешком, кто — на машинах.

Удивительно, теперь даже эта раздражающая некогда суета показалась мне желанной.

— Ваш «Цезарь».

Бух — на стол!

Я подскочил и глянул на официантку. Она небрежно-деликатно улыбнулась.

— Спасибо.

Ни салфеток, ни вилок.

— Принесите, пожалуйста, вилку.

Официантка тут же сделалась серьёзной.

— А-а, да-да, сейчас. Подождите.

— И салфетку.

— Салфеток нет, — ответила она, не оборачиваясь, и скользнула в дверной проем в кухню.

В принципе, подумал я, можно и без салфетки.

Тут появился лысый, пожёвывавший зубочистку. Сощурился, нагло осматривая меня.

— Это лучший «Цезарь» в вашей жизни, уверяю вас, — сказал он.

Что-то мне не верилось. Мило, как мне кажется, улыбнувшись, я оглядел порцию.

— Надеюсь, — наконец ответил я сдавленным голосом. Откашлялся. Посмотрел на лысого.

Тот стоял и ухмылялся.

И чего только он ухмылялся? Ощутил каким-то странным образом превосходство надо мной? В чём? В том, что не поехал на СВО? Или в том, что борщи умеет варить?

Пришла официантка — принесла вилку.

— Спасибо.

Она отошла к стойке, развернулась и — даже не вытянула из фартука смартфон! Стояла и с надеждой смотрела то на меня, то на своего лысого. А тот вообще с меня глаз не сводил.

«Цезарь» выглядел дороже двухсот рублей.

Я подцепил что-то вилкой, поднёс ко рту. Замер.

В этот момент я ощутил себя древнеримским отведывателем кушаний. Или отравлюсь, или отравлюсь и помру, или поем. Два против одного: шансы были невелики.

Попробовал.

Оказалось очень даже неплохо.

— Вы ведь солдат, да? — послышался голос Киры.

Я повернул голову. Мужчина больше не ухмылялся — опять хмурился.

— Да.

Лысый с шумом выдохнул воздух.

— И чего, как там? — спросил он, явно раздражённый. — Смотрю, хромаете.

«Да откуда ты всё видишь-то? — подумал я. — И вообще, сам же не хотел разговаривать».

— Хромаю. Там — как всегда: то влага, то холод...

— Бедненькие, — с извинкой.

— ...То смерть, то второй шанс.

— Хм, не удивлён, — ответил он.

Я промолчал. «Цезарь» был интереснее этого разговора. Я, конечно, хотел поговорить, но не с лысым и не об этом.

И только я вернулся к салату, как прозвучал новый вопрос — снова от него:

— Как они могли напасть?

— Извините?

— Я спрашиваю: как они могли напасть? Вы говорите, они могли напасть первыми, но как?

— Я ничего не говорил.

— В телевизоре говорили.

«В телевизоре!» Ох уж эта провинциальная простота!

Я положил вилку, потянулся было за салфеткой... Вспомнил, что салфеток нет.

— Вы можете ответить? — давил лысый. — Как они могли напасть, если у вас есть ядерное оружие?

— При чём тут это?

Мне очень не хотелось продолжать с ним разговор, но напор, с которым говорил мужчина, вынуждал меня отвечать хотя бы что-нибудь.

— А при том. Какой дурак будет нападать на страну с ядерным потенциалом?

— Вы берётесь утверждать это, не бывши там.

Но лысый не слушал:

— И из-за вас теперь гибнут дети! Тоже мне — герои!

Я поднялся из-за стола, схватил сумки и, сдерживая себя, направился к выходу.

— Вот всегда так! Уходите, когда вам нечего сказать!

— Пойдите! — слышался голос Киры.

— Мне есть что сказать, но вам говорить что-либо бесполезно, — не оборачиваясь, проишёс я и вышел вон.

На улице было уже чуть прохладнее. А кислый запах капусты не казался столь навязчивым, как в столовой.

— Пойдите!

Я оглянулся. Официантка Кира, поправляя фартук, открыла рот, чтобы что-то сказать, но...

— Кира!!! Закрой дверь!

И она закрыла. Матовое стекло исказило черты её проникнутого болезненной обидой лица. Наверное, девушка хотела почувствовать независимость — хотя бы на мгновение, как когда-то, но голос мужа напомнил ей о перенесённой с ним боли. Лысый знал о её страхах, манипулировал ею. Послышалась его ругань.

Кира сжалась и отошла от двери.

Я отвернулся.

Пора было идти к Яне — обратный поезд отправлялся в семь часов.

Несколько минут я стоял у подъезда и не решился набрать номер квартиры. Всё думал: может, подождать ещё немного? Или вовсе отправить стихотворение по почте? Но ведь я обещал, что лично отдам клочок Яне.

Подул скулящий ветер. Стало очень холодно.

И я решился — набрал номер.

Гудки... Ледяной пот.

— Да? — донёсся из домофона женский голос.

— Это Яна?

— Да. Вы кто?

— Добрый вечер! Я... Костя, сослуживец Ромы. Он... эм... просил кое-что передать вам... Мне на улице подождать?

Молчание. Трескучий детский смех.

— Заходите, — ответила Яна волнительно-гостеприимно, но с очарованием горя.

Стало теплее.

Я оказался в парадно-безупречном подъезде, где с выцветшей зеленью стены были исписаны душевно оголёнными образами персонажей сказок, мифов, легенд, фильмов и мультфильмов. Здесь отразились и шепетильная кротость Белоснежки, и змеиное обаяние Бабы-Яги, и выдающийся вкус стиля почтальона Печкина. И всё это ярко, броско, глянцеvито. В спасительном изумлении, узнавая всё больше и больше любимых героев, я поднялся на пятый этаж. Дверь была приоткрыта.

Я вошёл... и оказался в уютной прихожей. Всё в ней было на своих местах, и даже комод, стоявший у двери как бы посторонним толстяком.

В прихожую заглядывали дети. Смотрели так, словно что-то хотели от меня.

— Привет! — сказал я им. — Я вам тут конфет принёс. — И вытащил из сумки на комод так

кстати приготившийся кулёк мятных карамелек.

— Вы от папы? — спросил один из детей. Кажется, мальчик.

И что я должен был ответить?

— Я...

Слава богу, в прихожую вошла женщина.

— Вы Яна?

Она кивнула. Одета была не по-домашнему: наверное, только с работы.

— Проходите, — сказала она мягко-нароचितым тоном.

Стянув с себя ботинки, я прошёл за ней и увидел довольно-таки неплохую гостиную. Не похожей ни на одну из тех пошлых, крикливых и криком озадаченных комнат с пурпурными обоями или ядовито-зелёными занавесками, с угрожающе плесневелыми потолками... Это была ничем не раздражающая, выполненная в пастельных тонах гостиная. И здесь всему было своё, подходящее место. Разве что одно из кресел — а их было три — показалось мне лишним.

Из соседней комнаты слышался детский крик, и сразу же — единый хохот обоих детей.

— Присаживайтесь.

Я сел одновременно с ней.

— Константин, да? — спросила она.

Кивнул.

Только сейчас в свете облачного неба я разглядел её. Черноволосая, с миндалевидными глазами, острыми скулами, идеально круглой родинкой над верхней губой — в общем, она относилась к тому типу девушек, которым, чтобы выглядеть прекрасно, и косметика-то не нужна.

В её глазах отражалась тоска по пережитому когда-то счастью. Она сидела прямо, положив нежно-розовые руки на колени.

— Вас ранили? — спросила она, указав глазами на мою левую ногу.

— Ничего страшного. Скоро буду прыгать, — улыбнулся я и тут же сделался серьёзным: какие могли быть улыбки?

Мы немного помолчали.

— А дети, — начал я, — как я понимаю, они ещё ничего не знают?

— Да, я решила им пока не говорить.

— Но ведь похороны...

— Я их не брала с собой.

Я уже ничему не удивлялся. Но решение Яны показалось мне странным.

— Может, тогда сказать? Если скажете потом, будет хуже.

— Я знаю. Но... боюсь: они такие маленькие.

— Они поймут.

— Не думаю. Они ещё не видели смерти.

— Не видели смерти? В смысле?..

Она скоро ответила:

— Они... не готовы.

Я промолчал. Смерть — моя давняя знакомая. В пять я видел, как соседские ребята топтали двух выпавших из гнезда птенцов, в семь — как грузовик сбил мою собаку; в одиннадцать я стоял у постели умирающей прабабушки, родителей не было дома — они работали, а я стоял, не понимал, что нужно делать, и — смотрел; в тринадцать я носил к ветеринару большого котенка, завернув его в платок, на обратном пути он перестал дышать. И сейчас, в тридцать четыре...

— Вы хорошо знали моего мужа?

— Почти семь месяцев бок о бок.

И зачем я сказал это «почти»?

Её глаза заблестели от слёз.

— Извините, — прошептал я.

— Нет, нет, ничего.

— В подъезде... — сказал и тут же осёкся. К чему я это? Никогда не умел говорить слов поддержки!

— Что?

— Очень красиво. Вы нарисовали?

Она вяло улыбнулась.

— Да.

— Очень, очень красиво.

— Спасибо.

Мы ещё немного помолчали. Она достала платок, вытерла слёзы.

— Не говорите им, пожалуйста.

— И не думал. — Тут я понял, что мучаю её ожиданием.

Вынул из нагрудного кармана пачку сигарет, сдвинул крышку... Пальцы охватила внезапная дрожь.

— Расскажите... — Но Яна недоговорила: я протянул ей сложенный клочок.

— Вот.

— Это?.. — Запнулась.

— Прочтите.

На секунду застыв в нерешительности, она развернула клочок и... Цепкий взгляд. Дрожащие губы. До этого скрытая, уединившаяся от

озлобленности внешнего мира любовь теперь прояснилась в каждой чёрточке, каждой морщинке её миловидного лица.

По глазам Яны я понимал, что она перечитывает строки снова и снова, снова и снова, с каждым разом всё медленнее — или чтобы вдуматься в смысл далеко не точных формулировок, или чтобы уловить тепло дышащего в этих строках чувства, а может, для того и другого.

И я завидовал Роме. Но завидовал не той дерзкой, грубой, чёрной, подчинённой стремлением к насилию завистью — я завидовал ему как человек, получивший свою толику от этого в чём-то наивного, но несомненно долженствующего счастья. Хотелось ещё — больше. И да, я чувствовал себя счастливым.

Но я оставил её. Укрывшись покрывалом тревожных дум, тихо, аккуратно вышел из комнаты. Думал, может, я и не очень хороший человек, но уж точно не самый плохой. Я мог и не передавать этих стихов — в конечном итоге, никто бы об этом не узнал. Я мог, развив в себе удушающую зависть, приударить за очаровательной вдовой. Мог... да что угодно!

И решил остаться человеком.

Навряд ли она заметила, как я ушёл, навряд ли услышала, как взял сумки и закрыл за собой дверь.

Улицы ревели. Всё торопилось, застревало, сверкало...

Обманутые надеждами, мучающиеся планами, люди спешили кто куда.

Спешил и я. Мне хотелось как можно скорее покинуть этот двор, эту улицу, этот город. Равнодушие жизни и неприветливость провинции, уединённость чужого счастья и безответственность лысого — всё это гнало меня дальше, дальше, дальше...

Что хотела спросить Яна? О том, как погиб Рома? Не думаю: её горе не смогло бы вместить в себя столько ужаса. Тогда — каким я запомнил его? Запомнил любящим и заботливым: он лгал ей о многом, лишь бы она меньше беспокоилась за него. Голод, ранение, частые стычки и бои — ни о чём из этого он так и не сказал ей: смеялся, говорил о любви, о том, что всё хорошо, что он в глубоком тылу. Наверное, она верила. Верила до известия о его гибели.

Через час я сел на поезд до Москвы и навсегда уехал из этого города.

□

Руслан Сергеевич ВОРОБЬЕВ

родился в 1999 году в г. Клин.

Окончил ТвГУ.

Публиковался в ряде сборников, на интернет-ресурсах.

Финалист II Всероссийского конкурса молодых

литературных критиков им. Л. Аннинского (2022),

V Международной поэтической премии «Фонарь-2023»,

российско-итальянской литературной премии

для молодых писателей и переводчиков «Радуга» (2023).

Лауреат конкурса «Северная звезда» в номинации «Проза» (2023).

